

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

РАЗВЕДЧИК

ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Разработка серии *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *А. Соловьева*

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 Разведчик. Чужая земля / Юрий Корчевский. — Москва :
Яуза : Эксмо, 2017. — 352 с. — (Героическая фантастика).

ISBN 978-5-699-93656-4

Он родился в год Московской олимпиады, но расписался штыком на стене Рейхстага в мае победного 45-го. Он действовал в глубоком немецком тылу — атаковал аэродромы в Польше, устраивал диверсии на военных заводах в Чехии, проникал в подземные секретные хранилища в Германии. Потому что наш современник Игорь Чернов стал войсковым разведчиком на фронтах Великой Отечественной...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93656-4

© Корчевский Ю.Г., 2017
© ООО «Издательство «Яуза»,
2017
© ООО «Издательство «Эксмо»,
2017

Глава 1

ЗАГРАНИЦА

К середине сорок четвертого года наши войска, почти непрерывно наступавшие, выдохлись. А еще требовалось пополнение личным составом, техникой, боеприпасами, горючим, провизией. К тому же погода вносила свои коррективы. Мало того, что в Белоруссии много рек, ручьев, озер, болот, так еще с неба сыпал дождь, вода везде — внизу, сверху. Наступательный порыв иссяк. В ротах третья часть, а то и половина состава выбыли по смерти или ранению. Часть дивизий армии вывели на переформирование в ближайший тыл. Железнодорожники спешно восстанавливали мосты, перешивали колею, где остались рельсы, с узкой европейской на нашу, широкую. А пока подвоз солдат и грузов лег на автотранспорт.

Солдаты, выведенные с передовой, отсыпались, регулярно ели, мылись в бане. В наступлении неделями не было возможности не то что помыться, высушить портянки и обмундирование. Ели всухомятку, нерегулярно, потому что кухни не успевали, а в хаосе наступления иной раз свои батальоны найти не могли. А еще выматывала усталость, особенно пехотинцев. С боями продвигались на 15–20–25 километров в сутки. Солдаты на марше

засыпали. Бредет с закрытыми глазами и держится за идущего впереди. Для новобранцев странно. Полагали увидеть бравых вояк, тем более сводки Инфобюро бравурные были. Новичков еще обучать надо. Прошли курс молодого бойца. Научились портянки наматывать, оружие чистить-разбирать-заряжать да по несколько выстрелов сделали. Только для того, чтобы выжить на войне, этого мало.

Половину роты армейской разведки тоже на отдых вывели, в их число Игорь попал. Всю роту выводить нельзя. Командованию свежие сведения о противнике нужны, тем более в перспективе ближайшей намечается новое наступление. Полковые, дивизионные разведчики почти еженощно рейды в тылы врага делали. И армейской разведке отдыхать не давали. Что ни задание, то в глубину обороны, одно другого сложнее. В полной мере другие виды разведки задействованы — агентурная, авиационная, радиотехническая. Вот только помощи от партизан нет, поскольку армии наши вышли на прежние, довоенные границы. Впереди перед Первым Белорусским фронтом чужая земля лежит, а конкретно — Польша. И наших партизан там не было, а лишь отряды Армии Людовой или Крайовой. Да и то немногочисленные, поскольку немцы действовали сурово, а среди местного населения патриотов не так много оказалось. Как думалось Игорю, поляки заняли выжидательную позицию. Пусть немцы с русскими дерутся, а там видно будет, кто одолеет.

Для разведчиков три армейские палатки развернули. Муштровать их не заставляли, на стрельбище не водили. Ученого учить — только портить. А вот политработники посещали часто. Как же — подаль-

ше от передовой. Единственно полезное, что Игорь видел, — читали сводки Совинформбюро, раздавали свежие газеты, от армейской многотиражки до «Правды». А в остальном — сплошная трескотня про руководящую роль партии. Игорь считал — промывка мозгов. Кто патриот своей Родины, сам в атаку из окопа первым поднимется, за спины товарищей прятаться не будет. А труса беседы храбрее не сделают. Для командира зачастую личный пример — самая действенная мера, а политработники на передовой — редкие гости, да и то в затишье. И так считал не он один, но мнение старались держать при себе, стукачи водились.

Три недели отдыха — просто счастье по фронтовым меркам. Но все хорошее быстро кончается. Оба взвода к передовой отправили, другую половину роты на отдых. После спокойного сна и горячего питания по распоряжку расслабились многие. Игорь в их числе оказался, потому как ранили его на второй день. Днем отправился на передовую. Все же старшина, командир отделения. Надо самому немецкие позиции осматривать. Где пулеметные гнезда, где место для возможного перехода передовой удобное. Видимо, неосторожно себя вел, как позднее понял. От линз бинокля солнечный лучик отразился. Для снайпера подсказка.

Если бинокль — либо командир, либо наблюдатель, а то и корректировщик огня. Одним словом — лакомая цель. Но повезло. Рука у снайпера дрогнула, или пулю боковым ветром слегка отклонило, но не в голову пуля попала, а в плечо. Сначала сильный удар почувствовал, как будто палкой ударили, потом звук выстрела донесся. Издалека фриц стрелял. Игорь в

траншею сразу спрятался. По новой почти гимнастерке кровь течет. Солдатик по соседству закричал: — Санитара!

Перебинтовали прямо по гимнастерке и по ходам сообщения в медсанбат. Полкружки спирта дали выпить, входное и выходное отверстия заштопали. Навылет пуля прошла и кости не задела. Хирург обнадежил:

— Десять дней у нас отлежишься и в строй.

Уже хорошо, в свою роту после медсанбата вернется. А если в тыл, в госпиталь, то оттуда в запасной полк и потом неизвестно куда. В медсанбате легкораненые и контуженные. «Тяжелых» после оказания помощи сразу в госпитали отправляли. Игорь все дни только ел и спал. Еще бы — жесткий топчан, зато постельное белье чистое и белое. По фронтовым меркам — роскошь. В палатках госпитальных тепло, только сентябрь начался.

Те, кто уже несколько дней в госпитале, к вновь поступившим подходили поговорить. Вдруг знакомый из своей роты или батальона. А еще узнать, где бои идут. В сводках не всегда сообщалось, да иной раз с запозданием. В первую очередь о крупных наступательных операциях сообщалось, а на их участке бои местного значения.

На пятые или шестые сутки пребывания в медсанбате ночью Игорь по нужде поднялся. Палатки на большой поляне стояли, лес вокруг, рядом хутор, где штаб и сотрудники медсанбата. Тихо, небо звездное, воздух чистый, как будто войны нет. Ни звука моторов, ни громохання пушек, ни взрывов.

Нужду справил под кустом, задержался. Благодарить вокруг. Тень недалеко мелькнула. Сразу на-

сторожился. Наш, из легкораненых, в самоволку подался или враг? По нашим тылам кто только не шастал. И немцы из разбитых частей, не успевшие уйти со своими. Одиночки были и целые подразделения, до роты численностью, причем с вооружением. Националисты всех мастей от белорусов до украинских бандеровцев и поляков. Кроме Армии Людовой, действовавшей против немцев и бывшей союзницей Красной Армии, была еще Армия Крайова, или аковцы, действовавшие по указке правительства Польши в изгнании, осевшего в Лондоне. Эти самые настоящие враги, не лучше ОУН — УПА. Уже после войны, когда была объявлена амнистия сложившим оружие, из лесов вышло более шестидесяти тысяч аковцев, вывезено несколько батарей полевых орудий, более сотни минометов и боеприпасов. Зачастую днем члены Армии Крайовой отдыхали на хуторах и в селах под видом мирных жителей, а ночью расстреливали наших военнослужащих, устраивали диверсии. Положение осложнялось тем, что Польша — довольно религиозная страна, и ксендзы, священники католические, имели вес. На словах они в политику не вмешивались, на самом деле всячески боролись с сатанинской властью, поскольку в СССР церковь была отлучена от государства, проповедовался атеизм.

Игорь быстро в палатку вернулся, растолкал лежащего с краю бойца.

— Тс! По-тихому раненых буди. Всем из палатки и рассредоточиться. У кого оружие есть, пусть хватит.

— Понял.

С оружием в медсанбате были проблемы. Как в каждой воинской части, личный состав штатное оружие имел. Но не будет же хирург или перевязочная медсестра в операционную с кобурой ходить, нелепо. Оружие в оружейке хранилось. Выставлялись часовые из переменного состава, из самих легкораненых, из команды выздоравливающих. Несколько бойцов с винтовками. Считалось, что в своем тылу этого достаточно. Конечно, Игорь рисковал прослыть паникером или трусом, если тревога окажется ложной. Но, как опытный разведчик, он считал, что лучше перестраховаться. Двое-трое противников с ножами могли вырезать за ночь и персонал и раненых. Тем более у раненых оружия не было. Жесткая директива еще в начале войны была. Раненого с поля боя выносить только с оружием, поскольку его не хватало. Вот и надрывался санитар. Мало того, что раненый иной раз тяжелее санитаря, так еще его винтовку тянуть надо. В траншее оружие сдавалось. А кто из раненых сам мог добрести до медсанбата, оружие у них изымалось. Конечно, винтовки и автоматы раненым ни к чему. Только пехотинцы в атаку ходили с сидорами, все пожитки с собой. А среди трофеев в вещмешке не только губная гармошка или наручные часы, но и пистолеты встречались. На такое оружие Игорь рассчитывал.

Забегал во вторую палатку, тоже бойца поднял, ситуацию объяснил. А потом осторожно к хутору. В открытую бежать нельзя, если за медсанбатом наблюдают, подстрелят первым. У первой же избы часовой. Сидит на крыльце, спиной к стене приклонился, карабин поперек коленей лежит. Дрем-

лет или спит. Что с него взять, если войну в тылу провел? Игорь толкнул его в плечо. Часовой вскинулся.

— А?

— Не спи. Чужие в лесу. Одного точно видел.

Часовой поднялся.

— И что? Может, местный?

— Ага, ночью в лесу валежник собирает. Мозги включи! Буди сотрудников, пусть наготове будут.

— Ты кто такой, чтобы командовать?

— Дурак ты!

Из избы вышел сотрудник в одном исподнем.

— Что за шум?

— Рядом с медсанбатом в лесу постороннего видел.

— Понял.

И часовому приказал:

— Буди всех, только тихо. Пусть оружие готовят.

— Так точно, товарищ капитан.

— А ты, боец, к палаткам иди, ранбольных буди.

— Уже.

Договорить не успели. Раздался взрыв гранаты, потом автоматные очереди. Звук выстрелов незнакомый. Наш «папаша» частит, как швейная машина, у немецкого МР-38/40 темп пореже. Любой фронтник на слух разницу понимает.

Капитан сразу закричал:

— Тревога! В ружье!

И в избу метнулся — одеться, оружие взять. Босым и в белье какой боец? Секунду помедлив, за ним вбежал Игорь. Сам в исподнем, в темноте белье белым выделяется, в отличие от капитана в сапогах,

но без портянок, по нужде выходил из палатки, не на марш.

— Товарищ капитан, оружие бы мне.

— Оружейка в другой избе.

Капитан суетился, не мог ногой попасть в брючину. Рядом в панике метались двое молодых фельдшеров. Игорь понял — надо действовать самому. Развернулся к выходу, незаметно прихватил ремень с кобурой, висевший на спинке стула. В сенях кобуру расстегнул, вытащил револьвер. Заряжен ли? В темноте не определишь. Пригнулся, за деревья перебежал. Кто на медсанбат напал? На немцев не похоже. А впрочем, какая разница? За деревьями укрываясь, перебегать начал к месту стрельбы, обходя сзади. Совсем рядом очередь послышалась, потом разговор. И не на немецком, а на смеси украинского и польского. Игорь на землю упал, пополз. Рубаха исподняя сразу испачкалась, мокрой от травы сделалась, к телу неприятно липнет. Две тени видны, за деревьями стоят. Один магазин к автомату присоединяет, второй изредка постреливает. Игорь в первого выстрелил, затем дважды во второго.

К упавшим кинулся. Сейчас бы ножом добить, а нет его, в разведвзводе остался в сидоре. Прислушался — не спешит ли кто на помощь? Подобрал валявшийся на земле автомат. Не видел прежде такого. Приклад рамочный, магазин слева горизонтально расположен. Не знал тогда, что это английский «СТЭН». Ремень оружия на плечо определил. Магазин полон, к бою готов. Рядом со вторым старый знакомец МР-38/40, машинка известная до мелочей. И его забрал.

Пошел на звуки автоматной стрельбы. Со стороны палаток медсанбата крики, редкие пистолетные выстрелы. Метров через пятнадцать-двадцать разговор:

— Мыкола иде?

Ага, бандеровцы. На звук голоса автомат вскинул, дал длинную очередь веером. Звук падения тела, крик раненого. Игорь выждал немного, перебежками, прячась за деревья, к целям, по которым огонь вел. Один наповал, другой стонет. Игорь ему шею свернул. Левее еще два автомата поочередно огонь ведут. Сколько же нападавших? Хорошо бы языка взять. И снова перебежками между деревьями. В стороне палаток взрыв гранаты. Вот же ублюдки, на раненых напали! Да еще ночью, на спящих, ничего святого.

Одного боевика Игорь по вспышкам выстрелов засек. Поднял автомат, дождался, пока бандеровец стрелять начнет, сам дал очередь. Стрельба прекратилась. Игорь ужом пополз. Еще один бандеровец убит. За поясом немецкая граната ручкой заткнута. Гранату вытащил. Слабая и запал долго горит, но других нет. Снова автоматная стрельба, метрах в десяти-пятнадцати боевик. Игорь к дереву перебежал, открутил колпачок, дернул за шнур запала.

— Пятьсот один, пятьсот два... — начал считать секунды.

Потом гранату между деревьями бросил. Едва успел голову за дерево спрятать, как взрыв. Даже если противник не убит, а оглушен, контужен, ранен, надо не дать ему опомниться. Игорь кинулся вперед, сам короткие очереди давал. Затвор автомата клацнул вхолостую, кончились патроны. Игорь

отбросил его, взялся за другой. Вот и раненый бандит. В сознании, валяется на спине, руку к автомату тянет. Игорь с двух метров очередь ему в грудь всадил. Наступила тишина. Он встал за дерево. На голос могут стрелять. Крикнул:

— Парни, не стреляйте, это Катков, старшина. Подойдите кто-нибудь с фонарем.

— Ага, а ты пальнешь!

— Я из второй палатки, соседом Фомин Виктор.

Игорь опасался, что если выйдет сам, в него кто-нибудь выстрелит. У раненых из оружия могут быть пистолеты, темно. Сомнительно, что попадут, но рисковать не хотелось. Тихий разговор слышен, совещаются бойцы.

— Выходи сам с поднятыми руками, поглядим, какой ты Катков!

Игорь автомат положил на землю, вышел из-за деревьев. Бойцы сразу узрели белую исподнюю рубашу.

— Свой, можешь руки опустить. Ты как в лесу оказался?

— А кто, по-вашему, бой с бандеровцами вел?

Прибежал врач.

— Раненые в перестрелке, убитые есть?

Прошли по палаткам. Трое убитых и четверо раненых. Их санитары сразу в операционную понесли. Доктор успокаивал:

— В «СМЕРШЕ» уже знают, сейчас помощь подьедет, телефонировали.

Только через полчаса подъехали два «Студебеккера», из них высыпал взвод автоматчиков. А еще прибыли два офицера. Начали допрашивать. Почти сразу вышли на Игоря, он тревогу поднял — раненых в палатах разбудил, персонал на хуторе.

Игорь доложил подробно, с деталями.

— Ты откуда такой шустрый?

— Разведрота штаба армии.

— Тогда понятно. Идем в лес, покажешь.

Рассвело уже. Игорь повел контрразведчиков от избы, где капитана-врача разбудил. Револьвер обнажил, поднял, который у военфельдшера стащил. Потом одного за одним показал пять трупов.

— По-украински говорили?

— Смесь украинского и польского, по-моему. Я всего пару раз слышал, да и то далеко стоял.

Когда закончили осмотр и подобрали оружие, контрразведчик подвел итог:

— Повезло тебе, старшина.

— Живой остался, конечно, повезло.

— А в целом молодец, правильно действовал.

Трупы и оружие бандитов увезли. А вот рану на плече Игорь потревожил, снова открылась, кровить начала. Пришлось в медсанбате еще на десять дней задержаться.

Добирался на попутных, а где и пешком. Пока он был в госпитале, армия каждый день почти уходила все дальше на запад. Добрался до своей роты, а во взводе третья часть — новые лица. Командир роты справку о ранении прочитал.

— Катков, за пределы расположения части выходить только по разрешению, не меньше трех человек и с оружием. Почти каждый день нападения на красноармейцев. У местных съедобного ничего не покупать, особенно бимбер.

— Это что такое?

— Самогон ихний. В одной из наших дивизий купили солдаты на базаре и отравились.